

Содержание

Предисловие. Повесть о двух городах	13
Полли	31
1. Дочь кузнеца	33
2. Благодеяния Пибоди	45
3. Одинокое плавание	57
4. Несчастливая бродяжка	73
Энни	99
5. Солдаты и служанки	101
6. Миссис Чэпмен	121
7. Зеленый змей	132
8. Темная Энни	143
Элизабет	165
9. Девушка из Торсланды	167
10. Публичная женщина № 97	173
11. Иммигрантка	187
12. Долговязая Лиз	200
Кейт	219
13. Семь сестер	221
14. Баллада о Томе и Кейт	242

15. Сторож сестре моей	266
16. «Никак»	282
Мэри Джейн	293
17. Мари Жанетт	295
18. Разгульная жизнь	312
Заключение. «Всего лишь проститутки»	331
Жизнь в предметах	343
Об авторе	348
Благодарности	349
Примечания	351
Библиография	366
Карта «Лондон пяти жертв Джека-потрошителя»	378

Я пишу от имени женщин, которые не могут говорить; от имени тех, у кого нет голоса, потому что они напуганы: ведь нас учили уважать страх больше, чем себя. Нас учили, что молчание спасет нас, но это неправда.

Одри Лорд

Полли

26 августа 1845 г. — 31 августа 1888 г.

1

Дочь кузнеца

Вращались цилиндры, натягивались ремни, щелкали и жужжали шестеренки. Литеры прижимались к бумаге, оставляя на ней чернильные оттиски. Тряслись полы. Свет горел днем и ночью. В некоторых комнатах с потолков на сушилках свисали длинные полосы бумаги с напечатанным текстом, в других висели башни деревянных ящиков, до краев наполненных крошечными металлическими литерами. В мастерских мужчины, склонившись над верстаками, обтягивали кожей переплетные крышки, украшали обложки золотым тиснением и прошивали тетради. В пристройках гравировали медные таблички и выковывали литеры. В лавках до самого потолка громоздились стопки книг, газет и журналов, источавших восхитительный запах свежей бумаги и типографских чернил. Флит-стрит и прилегавшие к ней переулки являли собой многокамерный пчелиный улей, внутри которого крутились колесики печатной машины. Рабочие пчелы носили костюмы из грубой мешковины. В здешней моде царствовали грязные халаты и фартуки в пятнах типографской краски: чем грязнее и чернее костюм, тем старательнее работник. Мальчишки-посыльные, с ног до головы покрытые чернильной

пылью, носились с поручениями. Во всем приходе Сент-Брайдс едва ли бы нашелся хоть один человек с чистыми пальцами, а если такой человек и был, то он ни за что не признался бы в этом. Здесь обитали писатели, издатели, газетчики и книготорговцы. Здесь все зарабатывали на жизнь словом.

Флит-стрит и ее густонаселенные притоки кишели людьми. Как писал современник, если взглянуть на Флит-стрит с высоты Ладгейтского холма, где стоит собор Святого Павла, увидишь лишь «темную, беспорядочно копошащуюся массу людей, коней и повозок», сквозь которую невозможно разглядеть «ни ядра мостовой — лишь головы вдоль ряда домов, и на дороге — сплошь океан голов»¹. Между этой широкой главной артерией и параллельной улицей Хай-Холборн пролегла целая сеть узких переулков и проходов, застроенных гниющими деревянными домами и мастерскими печатников, философов и нищих писателей, живших там с семнадцатого века. Соседи ютились так близко друг к другу, что слышно было каждый чих, стон и даже вздох. Летом открывали окна, и по всем близлежащим улицам разносился грохот и лязг вращающихся цилиндров ручных типографских станков и печатных машин на паровой тяге.

Среди этой какофонии звуков в тесной комнатухе старого дома появился на свет второй ребенок Кэролайн Уокер — девочка, названная Мэри Энн. Она родилась 26 августа 1845 года. Местные газеты описали этот день как «ясный и сухой». Дом, где родилась Мэри Энн, — обветшалый, двухсотлетний, известный как Доз-корт, — стоял в Пороховом переулке, примыкавшем к улице Башмачников. Поистине диккенсовский адрес: любая из его героинь могла бы проживать в переулке с таким названием! Автор «Оливера Твиста» не понаслышке знал об этих мрачных подворотнях и зловонных переулках: в юности он работал здесь на фабрике по производству ваксы и начал писать свои первые очерки в меблированных комнатах по соседству. Первые годы своей жизни Мэри Энн, или Полли,

Предисловие

Повесть о двух городах

Есть две версии событий 1887 года. Одна хорошо известна, вторую знают немногие.

Первую версию можно прочесть в большинстве учебников истории. Современникам нравилось вспоминать именно ее, и о ней они рассказывали внукам с задумчивой улыбкой на устах. Это история королевы Виктории и летних празднеств в честь золотого юбилея ее правления*. Массивная британская корона возлегла на голову Виктории, когда той едва миновало восемнадцать. С тех пор прошло полвека, и королева стала символом империи. В ознаменование юбилея коронации были запланированы грандиозные торжества. Двадцатого июня, в годовщину восхождения Виктории на трон, в Лондон съехались коронованные особы со всей Европы, индийские принцы, почетные гости и делегаты со всех концов империи. Прибыла даже Лилиуокалани, королева Гавайев. Лавочкики

---

* Королева Виктория взошла на трон 20 июня 1837 года. *Здесь и далее — примечания переводчика, если не указано иное.*

Вест-Энда украсили витрины в цветах «Юнион Джека» — красный, белый, синий; британские флаги и королевские штандарты, цветочные и бумажные гирлянды укрыли строгие каменные фасады. По вечерам посольства и клубы, гостиницы и учреждения в Сент-Джеймском парке и на Пикадилли включали электрическую и газовую подсветку, и на зданиях вспыхивали гигантские короны и инициалы V и R*. Верноподданные Ее Величества стекались в центр Лондона со всех окрестностей и из отдаленных уголков ее владений, компостиrowали железнодорожные билеты из Кента и Суррея и толпились на запруженных улицах, надеясь хоть одним глазком увидеть роскошную королевскую карету или принцессу. Когда длинные летние сумерки угасали, они ставили свечи на подоконники своих домов и поднимали кружки с пивом, бокалы с шампанским и красным вином за здоровье королевы.

В Вестминстерском аббатстве отслужили благодарственную, в Виндзорском дворце провели государственный банкет и смотр войск, и даже детям устроили праздник в Гайд-парке. Двадцать кукол Панча и Джуди**, восемь марионеточных театров, восемьдесят шесть оптических аппаратов, девять цирковых трупп с дрессированными собаками, мартышками и пони, уличные оркестры, продавцы игрушек и «шаров, наполненных газом», развлекали детей. Две с половиной тысячи мальчиков и девочек накормили еще и обедом, состоявшим из кекса, пирожков с мясом, булочек, апельсинов и лимонада. Торжества продолжались все лето и включали праздничные концерты, лекции, представления, пикники, ужины и даже парусную регату. Поскольку юбилей совпал с традиционным светским сезоном в Лондоне, высший свет устраивал приемы в садах и балы. Дамы одевались по летней моде — в отороченные кружевом пышные шелковые платья: белые, черные и модных

---

* Victoria Regina — королева Виктория.

** Панч (Пульчинелла) и Джуди — герои традиционного уличного театра кукол, который появился в Италии, но затем стал популярен и в Англии.

абрикосово-желтого, розово-фиолетового и мятного оттенков. Великолепный бал прошел в Гилдхолле*: принц и принцесса Уэльские принимали высокопоставленных родственников, принца Персии, папского посланника, принца Сиама, а также Голькара, махараджу Индора. Весь высший свет танцевал под декорированными потолками, в окружении каскадов благоухавших цветочных композиций. Поблескивали, отражаясь в зеркалах, тиары и галстучные булавки. Юных дебютанток знакомили с перспективными женихами. Жизнь викторианцев кружилась ослепительным вихрем под романтические звуки быстрого вальса.

Но есть и другая история.

Эту повесть о случившемся в 1887 году большинство предпочитает не вспоминать. По сей день она отражена лишь в немногих учебниках, и на удивление мало кто знает о том, что произошло. А ведь в 1887 году истории, о которой пойдет речь, было посвящено гораздо больше газетных строк, чем описаниям королевских парадов, банкетов и пиршеств.

Лето юбилея королевского правления выдалось исключительно теплым и сухим. Безоблачное голубое небо, которому так радовались беспечные посетители пикников и балов на свежем воздухе, погубило урожай фруктов и высушило поля. Недостаток воды и отсутствие сезонных заработков по сбору урожая привели к обострению и без того серьезного кризиса безработицы. Пока богачи наслаждались солнечной погодой, укрываясь под зонтиками и тенистыми деревьями пригородных вилл, бездомные и нищие разбили лагерь под открытым небом прямо посреди Трафальгарской площади. Многие приехали в центр города искать работу на рынке Ковент-Гарден, где лондонцы закупались продовольствием. Но из-за засухи ящиков со сливами и грушами стало намного меньше, уменьшилась и потребность в грузчиках. Не имея денег на кров, приезжие спали

---

* Здание в Сити, где прежде находилась резиденция лорд-мэра.

прямо на площади, где к ним постепенно присоединялось все больше безработных и бездомных, готовых жить на улице, лишь бы не идти в работные дома с их жуткими условиями, унижительными для человеческого достоинства. К ужасу наблюдателей, расположившиеся на площади совершали свой утренний туалет прямо в фонтанах, под носом лорда Нельсона, взиравшего на них с высоты своей колонны. Там же, в фонтанах, стирали одежду, кишевшую паразитами. С наступлением осени на площадь пришли социалисты, Армия спасения и прочие благотворительные организации и стали раздавать Библию, купоны в ночлежки, кофе, чай, хлеб и суп. Натянули брезент и устроили импровизированные бивуаки; меж лап гигантских бронзовых львов ежедневно произносились пламенные речи. Ажиотаж, стадный инстинкт и бесплатная еда привлекли на площадь толпы лондонских отщепенцев, что, в свою очередь, привлекло полицию, а это, в свою очередь, привлекло журналистов. Те бродили среди ободранцев, записывая имена и рассказы маргиналов, о которых иначе никто бы никогда не узнал.

Некий «мистер Эшвилл», по его собственным словам, был «художником и стекольщиком». Он сидел без работы уже двенадцать месяцев, из которых тридцать три ночи спал на набережной Темзы, а когда похолодало, перебрался на Трафальгарскую площадь в надежде, что там немного теплее. Опыт уличного существования заметно потрепал его и поверг в удрученное состояние, но он все же не терял надежды в один прекрасный день найти работу.

На Трафальгарской площади частенько можно было встретить солдатскую вдову: она ходила кругами и продавала спички, чтобы прокормить маленького сына. Но жизнь ее не всегда была такой. Не сумев выплатить последний взнос за купленную в кредит швейную машинку, она лишилась единственного средства к пропитанию, а вскоре и комнаты, которую считала домом. В работном доме их с ребенком ждала бы разлука, поэтому женщина предпочитала ночевать на площади в обнимку с сыном, укрывшись шалью¹.

На одной из каменных скамеек нашла пристанище пожилая пара, прежде никогда не знавшая бед². Супруг работал музыкальным директором театра, но в результате несчастного случая утратил трудоспособность. Накоплений у супругов не было, они задолжали за квартиру и лишились крова, а теперь вынуждены были ночевать под звездами. Перспектива сдаться в ближайший работный дом казалась слишком унижительной и страшной — об этом супруги даже не задумывались.

Сотни людей стекались на Трафальгарскую площадь и засыпали на ее мостовой. Их истории были очень похожи. Агитаторы политических партий быстро смекнули, что в их распоряжении готовая армия озлобленных людей, которым больше нечего терять. Лондонцы давно заметили, что Трафальгарская площадь находится на линии, пересекающей город с востока на запад и отделяющей «богатые» кварталы от «бедных»: искусственная граница, которую, в отличие от невидимых пут, не позволявших бесправным высказаться в свою защиту, легко было перешагнуть. В 1887 году перспектива социального бунта представлялась многим пугающе реальной. Вместе с тем некоторые недооценивали угрозу. Ежедневные речи социалистов и реформаторов на Трафальгарской площади — Уильяма Морриса, Анни Безант, Элеоноры Маркс и Джорджа Бернарда Шоу — способствовали мобилизации населения, и на улицы вышла распевавшая лозунги многотысячная толпа с транспарантами, что неизбежно привело к стычкам. Служба столичной полиции и магистратский суд на Боу-стрит работали сверхурочно, чтобы сдержать натиск протестующих и очистить площадь от тех, кого они считали попрошайками и возмутителями порядка. Но те были неумолимы как прилив: стоило оттеснить их — и они снова возвращались.

Восьмого ноября власти совершили роковую ошибку: комиссар полиции сэр Чарльз Уоррен запретил все собрания на Трафальгарской площади. Простой люд, для которого площадь в самом сердце Лондона стала местом объединения и форумом

политических действий, воспринял это как объявление войны. На тринадцатое ноября запланировали демонстрацию. Формальным поводом для нее послужило требование освободить члена парламента от Ирландии Уильяма О'Брайена, но недовольство протестующих не ограничивалось этим делом. Демонстрация собрала более сорока тысяч мужчин и женщин. Им навстречу вышли более двух тысяч полицейских, королевская и гренадерская гвардии. Стычки начались почти мгновенно; полицейские с дубинками атаковали протестантов. Несмотря на мольбы организаторов, многие участники демонстрации прихватили с собой свинцовые трубы, ножи, молотки и кирпичи; арестовали сорок человек, более двухсот получили ранения, а по крайней мере двое были убиты. Но, увы, Кровавое воскресенье — а именно под этим названием происшествие вошло в историю — не ознаменовало окончание конфликта. Звон разбитого стекла и общественные беспорядки сопровождали жизнь лондонцев вплоть до начала следующего года.

Главными героинями этих двух спектаклей стали две женщины, чья жизнь и смерть оказались столь значимыми для девятнадцатого века. Одной была королева Виктория, давшая свое имя эпохе, продлившейся с 1837 по 1901 год. Другой — бездомная по имени Мэри Энн Николс, или Полли, как ее называли в быту, одна из многих, кто в тот год волею судеб очутился на Трафальгарской площади. В отличие от монархини, про Полли со временем все забыли, хотя имя ее убийцы по-прежнему вспоминают с замиранием сердца и даже с извращенным восторгом. Джек-потрошитель.

Чуть больше двенадцати месяцев отделяет лето празднования юбилея коронации Виктории от того дня, когда была убита Полли Николс, — 31 августа 1888 года. Полли стала первой из пяти «канонических» жертв Джека-потрошителя, тех, чья смерть, по результатам полицейского расследования, наступила в результате действий одного и того же преступника, орудовавшего в районе Уайтчепел в лондонском Ист-Энде. Вскоре после убийства Полли

Николс, 8 сентября, во дворе дома на Хэнбери-стрит был обнаружен труп Энни Чэпмен. Ранним утром 30 сентября Джек-потрошитель нанес удар дважды. Жертвами двойного убийства стали Элизабет Страйд, чье тело было обнаружено во дворе фабрики Датфилда на Бернер-стрит, и Кэтрин Эддоус, убитая на Митр-сквер. После этого Потрошитель на время приостановил свои кровавые злодеяния. Финальное зверство он совершил 9 ноября: убил и изувечил Мэри Джейн Келли в ее собственной постели в доме № 13 по Миллерс-корт.

Жестокость убийств в Уайтчепеле потрясла лондонцев и людей во всем мире, узнавших о произошедшем из газет. У всех жертв Джека-потрошителя было перерезано горло. У четырех из пяти — извлечены внутренности. Все убийства, кроме последнего, были совершены на улице под покровом ночи. В каждом случае убийца скрывался, не оставляя следов. Учитывая то, что нападения произошли в квартале с чрезвычайно высокой плотностью населения, общественность, пресса и даже полицейские поразились тому, как убийце удалось остаться незамеченным. Подобно призрачному демону, Джек-потрошитель всегда опережал власти на шаг, и его преступления внушали особый, почти сверхъестественный ужас.

Подразделение Н* Службы столичной полиции, расположенное в Уайтчепеле, бросило на расследование дела все ресурсы. Однако властям прежде никогда не приходилось сталкиваться с преступлением такого масштаба и значения, и вскоре они поняли, что справляются с трудом. В районе Уайтчепел проводили сбор свидетельских показаний путем обхода домов и опроса местных жителей. Полицейские собрали и передали на судмедэкспертизу большое количество материала. Полицейский участок завалили письмами и устными показаниями: они поступали от граждан, утверждавших,

---

* High security, discipline and protection — высокая безопасность, дисциплина и защита.

что они стали очевидцами преступления; от лондонцев, предлагавших помощь в расследовании; и от обычных врунов, мешавших следствию своими безумными фантазиями. В общей сложности полиция опросила более двух тысяч человек и выявила более трехсот возможных подозреваемых. Несмотря на то что к делу привлекли Скотленд-Ярд и полицию лондонского Сити, ни одна из ниточек не вывела на убийцу. Если такие ниточки и существовали, они затерялись под грудой показаний, которые полиции пришлось переработать. Констебли строчили в блокнотах и преследовали подозреваемых в темных переулках, а Джек-потрошитель тем временем продолжал убивать.

«Осень ужаса», как ее прозвали в прессе, продолжалась. В Уайтчепел слетелись журналисты: каждый норовил урвать свой кусочек сенсации. Неизбежное вмешательство прессы, ставшей посредником между незавершенным полицейским расследованием и населением Ист-Энда, жившим в состоянии повышенной тревоги, оказало взрывной эффект. Поскольку полиция не могла предоставить газетчикам какие-либо определенные факты, те выдвигали собственные теории об убийце и его преступном методе. Газеты разлетались как горячие пирожки: жажда новостей и новых версий стала неутолимой. Само собой, не обошлось без выдумок, «фейковых новостей» и попыток приукрасить историю. Однако слухи и опрометчивые комментарии журналистов, крайне отрицательно высказывавшихся по поводу хода полицейского расследования, не уменьшали тревогу обитателей Уайтчепела. К середине сентября в квартале началась паника, большинство жителей боялись выходить из дома по вечерам. У входа в полицейский участок на Леман-стрит собирались «улюлюкающие и кричащие» толпы, требовавшие поимки убийцы. Местные торговцы, желая взять дело в свои руки, организовали Уайтчепельский комитет бдительности. Тем временем в прессе выдвигали самые невероятные предположения по поводу личности Джека-потрошителя. Кто-то писал, что

преступник, безусловно, проживает в Уайтчепеле; другие считали его богатеньким «франтом» из Вест-Энда; третьи — моряком, евреем, мясником, хирургом, иностранцем, ненормальным или целой бандой вымогателей. Жители Уайтчепела стали нападать на всех прохожих, подходивших под эти описания. Врачей с сак-вояжами избивали на улицах, на посыльных со свертками в руках доносили в полицию. Злодеяния Джека-потрошителя пробуждали во многих не только омерзение, но и извращенное любопытство. Толпы множилось как у полицейского участка на Леман-стрит, так и на местах преступлений. Кто-то стоял и разглядывал место, где произошло убийство, в надежде найти разгадку, а кого-то попросту завораживал ужас случившегося.

Поскольку полиция так и не задержала подозреваемого, а обвинения ни в одном из пяти убийств не были предъявлены, обыватели поняли, что их жажда свершения правосудия никогда не будет удовлетворена. Единственное, что могло дать ответы и хоть какое-то ощущение завершенности, — дознания коронера. Дознания проводились публично в Уайтчепеле и лондонском Сити после каждого убийства и подробно освещались в газетах. Дознание коронера во многом похоже на суд по уголовному делу: свидетели предстают перед жюри присяжных и излагают свою версию событий с целью составить четкое, официальное представление о том, как именно умерла жертва. Почти все существующие сведения о пяти жертвах Джека-потрошителя дошли до нас из показаний свидетелей, выступавших на дознании коронера. Однако в свидетельских рассказах о событиях много белых пятен. Допрос был проведен поверхностно, присяжные почти не задавали вопросов, а несоответствия и странности в показаниях, похоже, никого не смущали. По сути, информация, которую удалось выяснить в ходе дознания, представляла собой лишь поверхностный срез. Настоящая разгадка лежала гораздо глубже, окруженная мраком.

Хотя убийства в Уайтчепеле остались нераскрытыми, они пролили свет на неописуемые, страшные условия проживания местной бедноты. Полчища бездомных и бунты на Трафальгарской площади стали всего лишь внешним проявлением болезни, давным-давно поразившей Ист-Энд и нищие районы Лондона. Они стали мокрото́й, которую бедняки выкашляли в лицо истеблишменту. Появление Джека-потрошителя было симптомом того же кашля, но более заметным и жестоким.

На протяжении почти всего правления королевы Виктории журналисты, общественные реформаторы и миссионеры ужасались творившемуся в Ист-Энде. В 1870–1880-е годы ситуация обострилась: на экономике сказались последствия Долгой депрессии*. Заработки, которыми обычно перебивалась армия лондонских чернорабочих — тех, кто шил и стирал одежду, таскал кирпичи, работал на конвейере, торговал вразнос и разгружал суда, — стали совсем грошовыми и нестабильными. Грузчики в доках получали не более 15 шиллингов в неделю; «люди-сэндвичи», носившие на себе картонные вывески-билборды, — шиллинг и восемь пенсов в день. Вдобавок ко всему росла арендная плата за жилье. В то время в Лондоне сносили целые бедняцкие кварталы, чтобы освободить место для железнодорожной инфраструктуры и новых широких улиц — к примеру, Шефтсбери-авеню. Лондонская беднота вынуждена была переселяться в еще более тесные жилые районы и жить более скученно на меньшей площади.

Из этих районов самая печальная слава закрепилась за Уайтчепелом, но он был отнюдь не единственным рассадником нищеты в столице. В 1890 году общественный реформатор Чарльз Бут провел обширное исследование бедных районов Лондона и выяснил, что очаги бедности, преступности и разорения имеются по всему

---

* Мировой экономический кризис, наиболее затронувший страны Западной Европы и США (1873–1879).

городу и даже в респектабельных районах. Однако с дурной репутацией Уайтчепела не могли сравниться ни Бермондси, ни Ламбет, ни Саутуарк, ни территория вокруг вокзала Сент-Панкрас. К концу девятнадцатого века в Уайтчепеле — квартале складов, ночлежек, фабрик, потогонных производств, скотобоен, мебелированных комнат, пабов, дешевых варьете и рынков — бок о бок проживали 78 тысяч душ. Весь этот многочисленный пестрый сброд принадлежал к разным религиям, культурам и говорил на разных языках. На протяжении двух веков в Уайтчепеле селились эмигранты со всей Европы. В конце девятнадцатого века существенную долю населения квартала составляли ирландцы, бежавшие от голода и нищеты, свирепствовавших в их родных краях. К началу 1880-х годов к ним присоединились евреи, спасавшиеся от погромов в Восточной Европе. В эпоху, когда к представителям иных национальностей, рас и вероисповеданий относились с подозрением, интеграция проходила со скрипом даже в трущобах. Однако составители исследования Бута не учитывали происхождение обитателей бедных районов и считали их довольно однородным социальным классом. За исключением редких представителей среднего класса, значительную долю населения Уайтчепела составляли «бедняки», «нищие» и «полукриминальные элементы».

Пульсирующим темным сердцем Уайтчепела считался рынок Спиталфилдс. Именно здесь, рядом с фруктовым и овощным рынком и высоким белым шпилем церкви Христа, располагались самые значные улицы и худшее жилье в округе, а может, и во всем Лондоне. Даже полиция обходила стороной Дорсет-стрит, Трол-стрит, Флауэрэнд-Дин-стрит и примыкавшие к ним переулки. Застроенные убогими рассадниками порока — ночлежками, или клоповниками, — и ветхими жилыми домами, поделенными на отдельные «меблированные комнаты» под сдачу с крошащимися, изъеденными сыростью стенами, эти улицы и их обитатели стали символом всех самых вопиющих социальных проблем тогдашней Англии.

Случись кому-то ненароком забрести сюда из безопасного и благочинного мира викторианского среднего класса, он был бы потрясен увиденным. Разбитые тротуары, тусклые газовые фонари, потеки сточных вод, вонючие лужи с болезнетворной стоячей водой и заваленные мусором улицы были лишь предвестниками ужасов, творившихся в стенах домов. Целые семьи ютились в кишевших паразитами клетушках восемь на восемь футов* с разбитыми окнами. В одной из таких комнат санитарные инспекторы однажды обнаружили пятерых детей, спавших в кровати рядом с трупом шестого ребенка. Люди спали на полу, на сваленных в кучу тряпках и соломе; многие заложили всю свою одежду, оставив лишь жалкий лоскут, чтобы прикрыть наготу. Алкоголизм, голод, болезни — все возможные недуги и пороки процветали в этом внутреннем круге ада. Само собой, домашнее насилие — впрочем, как и остальные формы насилия — было делом обычным. Едва достигнув половой зрелости, девочки выходили на улицы и начинали торговать собой. Мальчики перебивались воровством и карманными кражами. Высокоморальному английскому среднему классу казалось, что пред лицом столь жестокой парализующей нужды все благие и праведные инстинкты, управляющие человеческими отношениями, должны быть полностью утеряны.

Ничто не демонстрировало эту истину более красноречиво, чем ночлежки, предоставлявшие кров тем беднякам, кому были не по карману даже «меблированные комнаты». В ночлежке находили временное пристанище бездомные: те попеременно ночевали на вонючих постелях в клоповниках, в мрачных общежитиях работных домов и под открытым небом. Здесь обретались попрошайки, преступники, проститутки, хронические алкоголики, безработные, больные и старики, чернорабочие и солдаты на пенсии. Впрочем, к большинству обитателей ночлежек можно было

---

* Примерно 2,4×2,4 м (1 фут = 0,3048 м).

применить несколько этих характеристик одновременно. В одном лишь Уайтчепеле ночлежек насчитывалось 233; в них жили около 8530 человек, не имевших постоянного жилья³. Естественно, самой дурной репутацией пользовались ночлежки на Дорсет-стрит, Трол-стрит, Флауэр-энд-Дин-стрит. За четыре пенса здесь можно было снять односпальную, жесткую, кишевшую блохами койку в душной зловонной общей комнате. За восемь пенсов — столь же убогую двуспальную кровать, отгороженную деревянной перегородкой. Ночлежки были женские, мужские и смешанные. В тех, куда пускали и мужчин, и женщин, царил вопиющий разврат. Жильцы могли пользоваться общей кухней, открытой весь день и до глубокой ночи. Она служила местом сборищ, где готовили скудные ужины, чаевничали и напивались друг с другом и с каждым, кому случилось заглянуть на огонек. Социологи и реформаторы, которым довелось сживать за столами на этих кухнях, ужасались отвратительным манерам обитателей ночлежек и адской нецензурщине, которую можно было услышать даже из уст маленьких детей. Однако самые сильные возражения у них вызывали насилие, чудовищная грязь и переполненные нечистотами уборные, неприкрытая нагота, беспорядочные сексуальные связи, пьянство и пренебрежение родительскими обязанностями. В клоповниках все мерзости трущоб собрались под одной крышей.

Но больше всего полицейских и реформаторов тревожила прямая связь между существованием ночлежек и проституцией. Желавшим снять койку не задавали лишних вопросов, коль скоро у них в кармане находилось четыре или восемь пенсов на ночлег, и ночлежки превратились в настоящее гнездо разврата. Многие женщины, которым проституция служила основным источником дохода, жили и работали в ночлежках. После принятия Акта о поправках к уголовному законодательству 1885 года, вызвавшего массовое закрытие борделей, количество проституток резко выросло. Новый закон вынудил многих проституток принимать клиентов в месте,

отличном от места проживания. А что может быть удобнее, чем ночлежка, где можно снять кровать за восемь пенсов? Именно в такие ночлежки проститутки приводили клиентов с улицы. Были и те, кто предпочитал ночевать на более дешевых койках за четыре пенса, уединяясь с клиентами в темных подворотнях. Этот вариант «быстрого обслуживания» чаще всего не подразумевал соитие.

Однако в ночлежках находили пристанище не только проститутки, но и обычные женщины, очутившиеся в бедственном положении по самым разным причинам. Хотя некоторые из них периодически прибегали к проституции, считать всех жительниц ночлежек проститутками, безусловно, было бы неправильно. Наскрести на ночлег можно было разными способами: голь на выдумки хитра. Большинство перебивалось низкооплачиваемыми однодневными заработками: уборкой, стиркой, уличной торговлей. Вдобавок к этому попрошайничали, одалживали деньги, закладывали имущество ростовщикам, а иногда и подворовывали. Распространенным способом сэкономить считалась аренда койки на двоих с сожителем. Такие вынужденные союзы чаще всего оказывались недолговечными, но, бывало, тянулись месяцами и даже годами без визита к священнику. Наблюдатели из среднего класса приходили в ужас при виде того, как легко и быстро несчастные обитатели неблагополучных кварталов вступают в эти отношения и разрывают их. При этом бедняков, казалось, ничуть не тревожило, что в результате их союзов рождаются дети. Все это настолько противоречило нормам существовавшей морали, что для жителей викторианской Англии все без исключения обительницы ночлежек были все равно что проститутки, хотя формально могли таковыми и не являться.

Во времена, когда Джек-потрошитель сеял ужас на улицах Уайтчепела, газетчики, стремившиеся шокировать англичан сочными подробностями жизни в трущобах, регулярно заявляли, что ночлежка — «тот же бордель, только называется иначе»,

и большинство женщин, обитающих в ней, за очень редкими исключениями, — проститутки. В свете кошмарных происшествий общественность с легкостью верила написанному в газетах. Так преувеличение превратилось в факт, хотя даже полиция придерживалась иной версии. Об этом свидетельствует письмо комиссара Службы столичной полиции, написанное в самый разгар зверств Джека-потрошителя. Проведя лишь приблизительный подсчет, сэр Чарльз Уоррен пришел к выводу, что в 233 ночлежках Уайтчепела проживало около 1200 проституток. Однако эта статистика сопровождалась комментарием сэра Чарльза: «Нет никакой возможности точно установить, кто из этих женщин является проституткой, а кто нет»⁴. Другими словами, пресса едва ли была вправе делать такие заявления, раз даже полиция сочла невозможным отличить проституток от других женщин, проживавших в ночлежках.

Собранная Уорреном статистика позволяет сделать еще один интригующий вывод. Если в ночлежках проживало в общей сложности 8530 человек, причем треть из них (2844) — женщины, 1200 из которых якобы занимались проституцией, то выходит, что подавляющее большинство — 1644 женщины — не имело к проституции никакого отношения⁵. Подобно жительницам ночлежек, жертв Джека-потрошителя окружает хитросплетение домыслов, слухов и необоснованных догадок. Распутывание этого клубка началось 130 лет назад, но, что удивительно, с тех пор дело далеко не продвинулось; не появилось и новых версий. Истории Полли, Энни, Элизабет, Кейт и Мэри Джейн формировались под сильным влиянием ценностей и морали Викторианской эпохи. Эти истории рассказаны мужчинами, находившимися у власти, — мужчинами из среднего класса. Они сложились в то время, когда у женщин не было голоса и практически не было прав, а неимущие считались ленивыми дегенератами. И не было, пожалуй, худшего сочетания, чем неимущая женщина. Сто тридцать лет мы мирились с этой

устаревшей версией истории. Мало кто отваживался заглянуть глубже, под толстый внешний слой предрассудков, мешавших нам узнать правду об этих женщинах и о том, что случилось на самом деле.

Принято считать, что Джек-потрошитель убивал проституток. Однако убедительных свидетельств того, что три из пяти его жертв занимались проституцией, не существует. Поскольку тела жертв были обнаружены в темных подворотнях и на улицах, полиция решила, что убитые были проститутками, а убийца — маньяк, заманивший их в эти темные углы ради секса. Но это так и не было доказано. Напротив, в ходе дознания коронера выяснилось, что Джек-потрошитель никогда не вступал в сексуальные отношения со своими жертвами. Кроме того, на местах преступлений отсутствовали следы борьбы: по-видимому, убийства совершались в полной тишине. Никто в округе не слышал криков. Вскрытие показало, что все женщины в момент убийства находились в положении лежа. Известно, что минимум три жертвы Джека-потрошителя регулярно ночевали на улице, а в ночь убийства у них не было денег на ночлег. Лишь пятая жертва была убита в собственной постели. Полицейские столь убежденно придерживались своей теории о принципе выбора жертв, что не заметили очевидного: скорее всего, Потрошитель нападал на жертв, когда те спали.

Отсутствие надежных источников — вот что всегда мешало докопаться до истины в деле Джека-потрошителя. Хотя до нас дошло несколько полицейских отчетов, основные сведения о преступлениях и их жертвах содержатся в дознании коронера. Увы, в трех из пяти случаев официальные документы следствия утеряны. Остается полагаться лишь на огромное количество отредактированных, приукрашенных, составленных по слухам и домыслам газетных репортажей, по которым можно воссоздать только общую картину событий. Я отнеслась к этим документам крайне осторожно, не принимая ни слова из них за чистую монету. Я также

не использовала неподтвержденные данные, предоставленные свидетелями на дознании, если свидетели не были знакомы с жертвами до убийства.

Взявшись за написание этой книги, я не ставила себе цель выследить убийцу и идентифицировать его личность. Я хотела пройти по следам пяти женщин, осмыслить их жизненный путь в контексте эпохи, оставаясь рядом безмолвным свидетелем, вместе переживая минуты горя и радости. Эти женщины не просто пустые человеческие оболочки, какими мы привыкли их воспринимать. Они были детьми, которые плакали и звали маму, и молодыми женщинами, пережившими первую влюбленность. Они рожали в муках и хоронили родителей, смеялись и праздновали Рождество. Они спорили с родственниками, рыдали, мечтали, испытывали боль и наслаждались маленькими победами. Их путь — зеркальное отражение того, что переживала типичная женщина Викторианской эпохи. Вместе с тем эти женщины уникальны и исключительны тем, как прервался их путь. Эта книга написана ради них. Я написала ее в надежде, что люди наконец услышат истории этих пяти женщин и вернут им то, что у них грубо отняли вместе с жизнью, — человеческое достоинство.